

**СПАРТАК ТИМОФЕЕВИЧ БЕЛЯЕВ –
УЧЕНЫЙ И УЧИТЕЛЬ**

27.10.1923–05.01.2017

Спартак Тимофеевич родился в 1923 г. в Москве. Краткое описание своей родословной и школьных лет он дал в одностраничной публикации «Родители и школа» в сборнике его статей «Моя профессия – теоретическая физика». Копия этой статьи помещена после окончания данного текста. В 1941-м он завершил обучение в школе и намеревался поступать в институт. Но началась Великая Отечественная война, и выпускник десятилетки добровольцем ушел на фронт. Пройдя всю войну и победно закончил ее в Берлине. Своими воспоминаниями об этом периоде жизни С. Т. Беляев поделился в очерке «Моя война», текст которого также содержался в сборнике «Моя профессия – теоретическая физика» и также перепечатан в этом выпуске нашего журнала.

После демобилизации из армии, в 1946 г. С. Т. Беляев поступает на физический факультет Московского государственного университета, а затем переходит на только что открывшийся в МГУ физико-технический факультет. Этот факультет впоследствии стал знаменитым на весь мир Московским физико-техническим институтом. В 1947 г., еще будучи студентом, Спартак Тимофеевич начинает свою научную деятельность в Институте атомной энергии (ИАЭ) под руководством другого фронтовика, Герша Ицковича Будкера. В 1952 г. Беляев с отличием окончил МФТИ и включился в активную работу как талантливый физик-теоретик. Его первые работы были посвящены кинетике разреженного ионизованного газа в сильных внешних полях. В этих работах, часть которых выполнена совместно с его научным руководителем, было впервые последовательно получено релятивистское кинетическое уравнение и предложены эффективные методы его решения, в частности, для случая практически важного предела сильных полей. Данная пионерская работа была особенно важна в связи с разработкой методов коллективного ускорения частиц. В том же цикле работ была решена совершенно новая и важная задача о многоквантовой рекомбинации ионизованного газа. В решении применена изящная идея описания процесса рекомбинации в терминах диффузии в энергетическом пространстве. Методы, развитые Спартаком Тимофеевичем в этих работах, в дальнейшем широко использовались и развивались другими авторами в ряде исследований по физике электронных пучков и плазмы.

В 1955 г. Спартак Тимофеевич обращается к физике атомного ядра. Его первая работа в этой области посвящена экспериментальным проблемам, лежащим на стыке атомной и ядерной физики, – созданию источников поляризованных ядер. Эта задача была в то время весьма актуальной, поскольку отсутствие сведений о зависимости ядерных взаимодействий от поляризации нуклонов заметно тормозило развитие представлений о нуклон-нуклонных силах и моделях ядер. Для решения задачи о получении поляризованных ядер С. Т. Беляев предложил в 1955 г. применить сильные неоднородные магнитные поля, в которых атомы источника поляризованных ядер разделяются по компонентам тонкой структуры, а сверхтонкая структура атомных уровней разрушается. В этих условиях в атоме фиксируются магнитные квантовые числа электронной оболочки и ядра. Практическое воплощение этой идеи в условиях ее дальнейшего развития позволило получить сначала в ИАЭ, а затем и в других институтах Советского Союза интенсивные пучки поляризованных ядер, широко используемые в ядерных исследованиях.

В конце пятидесятых годов Спартак Тимофеевич становится одним из первопроходцев новой области теоретической физики – применение методов квантовой теории поля к про-

блемам многих тел. В 1958 г. он публикует свои классические работы по теории неидеально-го бозе-газа. В этих работах были предложены новые оригинальные методы описания взаимодействий частиц при наличии бозе-конденсата, которые использовались авторами, в частности, при развитии теории сверхпроводимости. Наиболее важные результаты С. Т. Беляев получает в работах по теории структуры и свойств атомных ядер. В работе «Эффекты парной корреляции в ядерных свойствах», выполненной им в 1959 г. в период пребывания в Институте Нильса Бора в Копенгагене, он впервые применил к описанию поведения нуклонов в ядре методы теории сверхпроводимости, чем теоретически обоснованно реализовал качественные соображения других авторов, работавших по этой тематике. Данная работа стала программной для развития ядерной физики. Она привела к интерпретации широкого круга процессов, происходящих в ядрах, с позиции проявления эффектов спаривания нуклонов. Впервые стала понятна фундаментальная роль квадрупольных колебаний в структуре немагических ядер и в характере фазового перехода от сферических ядер к деформированным. Таким образом, указанная работа принесла С. Т. Беляеву мировую известность и инициировала мощное развитие микроскопических моделей коллективных возбуждений ядер, продолжающееся и сегодня.

В 1962 г. Спартак Тимофеевич Беляев переезжает в Академгородок по приглашению директора Института ядерной физики (ИЯФ) Сибирского отделения АН СССР Г. И. Будкера. Он становится ведущим сотрудником, а затем и руководителем теоретического отдела этого института. В 1964 г. С. Т. Беляев избирается членом-корреспондентом АН СССР, в 1968 г. – академиком.

В 1965 г. Спартак Тимофеевич избирается ректором Новосибирского государственного университета (НГУ), где он воплотил «систему Физтеха». Как обучающиеся в НГУ в годы ректорства Спартака – так его называли между собой студенты, не можем не отметить особенности его характера. Будучи ученым, он отличался независимостью взглядов, был немногословен и ценил концентрированно выраженную мысль. Ректор никогда не подстраивался под аудиторию. Выступая на комсомольских конференциях и участвуя бесчисленных дискуссиях, он был напорист и в то же время не лишен жизнерадостного юмора. По его мнению, студент должен научиться доходить до сути в научном поиске по возможности самостоятельно. В то же время молодой человек должен стремиться к постоянному саморазвитию в ходе участия в общественной жизни. Что касается его лекций, то они были фундаментальны и отличались исключительной логической ясностью. Курс квантовой механики в его изложении, несмотря на сложность восприятия дуализма частиц, довольно уверенно усваивался большинством студентов физфака.

Несмотря на высокую занятость на посту ректора, С. Т. Беляев сохранил за собой статус заведующего теоретическим отделом ИЯФ и заведующего кафедрой теоретической физики на физическом факультете НГУ. В эти годы он активно развивал исследования для решения принципиальных проблем структуры атомного ядра. Среди основных результатов, полученных в эти годы С. Т. Беляевым и его сотрудниками, можно назвать следующие: теория нелинейных (ангармонических) эффектов в ядрах; теория взаимодействия нуклонов с ядерными фонами (коллективными возбуждениями в ядре); анализ следствий, вытекающих из свойств калибровочной инвариантности нуклонных взаимодействий; предсказание новых типов ядерных коллективных возбуждений; теория ядерного вращения, основанная на микроскопическом рассмотрении вращения как равноправного коллективного возбуждения; развитие общих методов получения ядерных гамильтонианов для коллективных движений; изучение нестатистических механизмов ядерных реакций.

В 1978 г. С. Т. Беляев возвращается в Москву и в 1981 г. становится директором отделения общей и ядерной физики ИАЭ им. И. В. Курчатова. Наряду с развитием работ по ядерной физике он активно включается в работы, которые проводились в отделении по физике конденсированного состояния и по прикладной физике. Одновременно с работой в ИАЭ он возглавляет кафедру теоретической физики Московского физико-технического института. В 1995 г. Спартак Тимофеевич стал ректором Института естественных наук и экологии (ИНЕСНЭК), который был учрежден РНЦ «Курчатовский институт». В 2006 г. все преподаватели и студенты ИНЕСНЭК перешли на факультет нанотехнологий и информатики МФТИ. Научным руководителем факультета стал С. Т. Беляев.

Лауреаты Международной премии им. И. Я. Померанчука в 2012 году Хуан Малдасен из Принстонского института фундаментальных исследований (слева) и Спартак Беляев из Курчатовского института (справа). Премии вручены: Х. Малдасену «за формулировку дуальности между теорией струн в многомерном пространстве-времени и калибровочными теориями поля в четырех измерениях», С. Т. Беляеву «за выдающиеся результаты в квантовой теории многих тел и их применение в теории атомного ядра»

Несмотря на большую занятость в Москве, Спартак Тимофеевич неоднократно приезжал в Академгородок и, безусловно, в ходе этих визитов посещал НГУ. Учитывая большой вклад в становление и развитие НГУ, решением ученого совета Новосибирского государственного университета от 2 марта 2011 г. академику С. Т. Беляеву присвоено звание «Почётный профессор Новосибирского государственного университета».

В памяти выпускников НГУ Спартак Тимофеевич останется как Ученый и Учитель.

Редколлегия «Сибирского физического журнала»

С. Т. Беляев

РОДИТЕЛИ И ШКОЛА *

Мама, Терентьева Евдокия Тихоновна (1897–1989). Ее отец происходил из богатой нижегородской купеческой семьи, но, женившись против воли отца, был лишен наследства и обеспечивал свою семью с четырьмя детьми, работая в Арзамасе землемером. Там мама в 1915 г. сдала школьный экзамен на аттестат зрелости и поступила в Москве на медицинский факультет Высших женских курсов (в дальнейшем 2-й МГУ). Врач-педиатр. До войны работала в больнице им. Русакова; 4 года (1935–1939) – в советской больнице в Тегеране, куда я дважды (в 1936 и 1938 гг.) ездил к ней на летние каникулы. Во время войны – в прифронтовых эвакуационных госпиталях. В 1943–1944 гг. – в Ленинграде (оздоровление блокадных детей). С 1945 г. до пенсии работала инспектором Минздрава РСФСР.

Отец, Беляев Тимофей Михайлович (1889–1945), из белорусских крестьян (Могилевской губернии, Костюковичского уезда, деревня Низки), младший из 14 детей в семье. Образование – рабфак. В мое время работал на небольших московских заводах начальником цеха или зам. директора. Умер довольно рано, в 56 лет.

Учился я в обычной школе № 315 на окраине Москвы (в Сокольниках). Хорошо успевал по всем предметам без особого предпочтения. Но в 9 класс к нам пришел новый учитель Исаак Яковлевич Танатар, который открыл мне красоту математики. Часто, опрашивая других учеников, он давал мне индивидуальные задания. Если я не решал их на уроке, то получал двойку, которую он исправлял на пятерку, если я приносил решение на следующий урок. По его настоятельной рекомендации (даже требованию) я посещал еженедельные школьные семинары в МГУ, участвовал в ежегодных Московских олимпиадах. (В 9 классе прошел во второй тур, а в 10 классе получил вторую премию.)

Встреча с И. Я. Танатаром – гениальным учителем и человеком – была для меня редкой удачей. Он кончил войну старшим офицером, преподавал в военной академии, но предпочел демобилизоваться и вернуться в нашу 315 школу, где я столкнулся с ним на первой послевоенной встрече выпускников школы. Он жаловался на новые школьные порядки: не разрешают давать сложные задачи («это понижает оценки успеваемости»). Не удивлен его переходу во 2-ю математическую спецшколу.

Школу я окончил в июне 1941 года, за неделю до начала войны.

* Текст приводится по: *Беляев С. Т. Моя профессия – теоретическая физика: Сб. ст. / Нац. исслед. центр «Курчатовский ин-т»*. М.: НИЦ «Курчатовский ин-т», 2013. 187 с. ISBN 978-5-904437-91-6.

МОЯ ВОЙНА

Впервые опубликовано в книге: «Воспоминания сотрудников Отделения физических наук Российской академии наук о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – Москва, 2010. В ранее опубликованный текст внесены небольшие исправления.

Трудно возвращаться в свои военные годы. Далекі они, да и не старался их сохранять в своей памяти. Стойкая память о войне бывала жестока, многим не давала спокойно жить и работать, а некоторые из-за этой неотвязной памяти до срока уходили из жизни.

Моя память о войне сохранила только отдельные яркие пятна.

1941 год. Я заканчиваю московскую школу 10-летку. Через неделю после выпускного вечера началась война. В первые дни не было у нас ощущения трагичности. Ведь к войне серьезно готовились. Год назад открылись средние школы с авиационной и военно-морской специализацией. Из нашего класса некоторые перешли туда и приходили к нам, демонстрируя красивую форму. С прошлого года мальчишкам уже нельзя было сразу поступать в ВУЗ, только после армии. Мой сосед по квартире, окончивший нашу школу год назад, как раз приехал в двухнедельный отпуск из части под Ленинградом – и сразу собрался возвращаться назад в свою часть.

Многие из нашего класса сразу пошли в военкомат добровольцами. Там было не до нас. После нескольких отказов я устроился токарем на завод. В Москву война пришла через месяц. Начались постоянные налеты. Приходилось совмещать работу на заводе с дежурством на крышах при налетах.

Сегодня я с удивлением всматриваюсь в того молодого наивного мальчишку. Вот еще один эпизод из его жизни – в самом начале войны. В середине лета вызвали меня в райком комсомола и вручили повестку: завтра явиться по такому-то адресу. Зачем – они не знают... Большой «казенный дом», у входа толпа моих сверстников, примерно около сотни человек. Открылись двери и всех впустили. В несколько кабинетов стали вызывать по одному. Пришла моя очередь. Вхожу. Сидят два полковника. Немолодые, интеллигентные лица. Листают мое личное дело, задали несколько вопросов и отпустили. Примерно через час всех пригласили в большой зал. Разместились. После этого встает офицер с ромбами и говорит: «Все вы зачислены студентами в Военный институт иностранных языков. Кто не хочет, может отказаться». Одна рука поднялась. «Ваша фамилия?» – Ответ. Офицер листает бумаги, – «Вы свободны». Поднимаю руку я, называю фамилию. Шуршат бумаги, и в ответ: «А Вас мы не отпустим». Собрание кончилось, Шум обсуждения планов... А я думаю, что делать. Наконец решаюсь и вхожу в кабинет, где проходило собеседование. Те же полковники. Я: «...язык это не мое дело... мое будущее я вижу в математике...». Они спокойно слушают, затем один с усталостью и состраданием: «Сынок, какая сейчас математика, ведь на фронт пойдешь...» – «Ну и пойду!» Отпустили...

Продолжал наведываться в военкомат. Наконец в августе получил направление в 55 Отдельную специальную радиороту Разведуправления Генштаба. Она располагалась в старых Чернышевских казармах почти в центре Москвы.

Курсантами роты были выпускники школ, студенты вузов, как парни, так и девушки. Учили нас приему и передаче морзянки, радиотехнике, использованию миниатюрной радиоаппаратуры. Занятия были очень интенсивные, по 12–14 часов, и нас мало мучили строевой подготовкой.

Как мне стало известно уже в послевоенное время, мы были первым набором в только что организованное (директивой начальника Генерального Штаба) подразделение по подготовке разведчиков-радиостов. Подготовка была рассчитана на 3–4 месяца. За это время нужно было овладеть основами электро- и радиотехники, изучить азбуку Морзе, уметь передавать цифры со скоростью 60 и буквы 70 знаков в минуту, а также принимать соответственно 80 и 70 знаков в минуту, знать и уметь практически применять международный «Q-код» и радиолобительский жаргон.

Во второй половине октября (время паники в Москве) нас направили на земляные работы, но вскоре вернули в Москву и отправили эшелоном в Горький. Там нас разместили в школе, и все время уходило, в основном, на элементарное обустройство для жизни и занятий.

6 ноября вечером все сидели перед громкоговорителем и слушали доклад Сталина, когда вошел дежурный офицер и зачитал небольшой список вызываемых к командиру части. Тот приказал нам получить документы и пайки и сообщил, что завтра мы отправляемся на Южный фронт. Наутро мы, восемь свежеепеченных сержантов, из них три девушки, отправились в путешествие. Где можно – поездом, где – попутными машинами, ожидая их у военных регулировочных постов.

Это было начало моего армейского пути – до победы. Но мои армейские годы не кончились и после победы: только в январе 1946 г. я был откомандирован из части (стоявшей в окрестности Варшавы) в «12 ОПРОС», Отдельный Полк Резерва Офицерского Состава, располагавшийся недалеко от Гомеля. Здесь должна определяться дальнейшая судьба прибывающих из-за рубежа офицеров – направление в военные округа или демобилизация. Личные дела идут спецпочтой и запаздывают, поэтому всем дают двухнедельный отпуск. И хотя почти все запаздывают на две-три недели (получая «10 суток ареста», т. е. –15 % денежного содержания), но почта идет еще медленнее.

Все нервно ждут решения своей судьбы. Большой спортивный зал, плотно уставленный двухэтажными кроватями, днем постоянно гудит. В основном боятся демобилизации. Молодые ребята, танкисты, артиллеристы, капитаны, майоры, много повидавшие, привыкшие уже к почету и уважению, но не имеющие гражданской профессии, а часто и места, где прийтись. Их можно понять. Но с другой стороны... Знакомлюсь с соседом по койке. Молодой капитан, был учителем, трое детей. Не демобилизуют. Я: «Как же так, ведь есть приказ: учителей и студентов отпускать в первую очередь» – «Говорят, связисты очень нужны». Для меня это удар. Я так надеялся, что удастся, наконец, поступить в университет.

В Москве я провел целый месяц. Проходя мимо Политехнического музея, увидел вывеску: «Заочный политехнический институт». Зашел, поговорил и в тот же день поступил. До отъезда успел выполнить все задания за первый семестр и сдал их. Возвратился в ОПРОС, личное дело еще не пришло. И я решил, что надо действовать. Еду в Гомель в штаб округа с рапортом примерно такого содержания: хотя я и младший лейтенант, но училища не кончал, хотя радист, но армейской связи не знаю, а только спецсвязь разведки, а с другой стороны, я студент и хочу демобилизоваться. Входя в кабинет командующего, я привел себя в надлежащий вид: надел очки, ссутулился, собрал гимнастерку на животе. Он прочитал, посмотрел на меня и, ничего не спрашивая, что-то написал на моей бумаге и отдал мне. За дверь я прочитал: «демобилизовать». Удивительно, что при возвращении в ОПРОС меня окликнули из канцелярии: «Твое дело уже пришло!», на что я закричал: «Мне оно ни к чему, я демобилизуюсь», и подумал: «как вовремя я съездил, видно судьба».

Между двумя описанными событиями прошла моя армейская жизнь. В 1946 г. я стал студентом физфака МГУ и, восполняя потерянные годы, жадно впитывал новые знания. Но в трудное послевоенное время воспоминания о войне не отпускали. Были встречи с однопольчанами, с немногими вернувшимися одноклассниками. Видел, как многие не могут оторваться от воспоминаний и активно включиться в новую жизнь. И созрело решение: забыть о тех годах, жить так, как будто их не было. Поэтому сегодня и летописец из меня плохой, память сохранила лишь отдельные эпизоды.

Прошел я всю войну «радистом-разведчиком». Специальность редкая, потому немного пояснений. Забрасываемые через фронт группы разведчиков, взрывников для связи включали радиста с миниатюрной аппаратурой: приемо-передатчик морзянки «Север» с комплектом батарей в двух сумках. Аппаратура эта была очень надежна, но маломощна, с гарантированным радиусом приема 100–200 километров (хотя иногда удавалось связываться и за тысячу километров). На нашей стороне связь с этими группами осуществляли специальные подвижные радиоузлы при разведотделах фронтовых штабов.

В ноябре 1941 г. наша сержантская команда прибыла в радиоузел разведотдела Южного фронта, располагавшийся в Донбассе, между Каменском и Миллерово. Радиоузел (кроме общих технических, штабных и хозяйственных подразделений) состоял из отдельных радиостанций. Каждая в деревянной будке, смонтированной на грузовике. Впереди встроенный

стол с приемником и передатчиком с местом для радиста, сбоку лавки-кровати. Небольшая печка-буржуйка.

Электропитание – от выносного движка. Рядом с машиной устанавливается антенная мачта на тросовых растяжках. Команда такой передвижной станции – 5 человек: начальник, он же первый радист, второй радист, механик-моторист, шофер и стрелок-охранник. За очень короткое время все убирается внутрь, и станция готова к передвижению.

Радиоаппаратура резко контрастировала с примитивной обстановкой: большого размера новейшие американские передатчик и приемник (помню марку: «хаммерлунд»). Дело в том, что сеть разведывательных радиоприемников существовала и до войны. Наш центр раньше располагался в Одессе, так что в нем сохранились еще опытные «кадровые специалисты». Так, я попал к такому начальнику радиостанции, старшему лейтенанту Будкову. Стройный, шерстяная гимнастерка в офицерских ремнях, хромовые сапожки. (Какой контраст с нашими ботинками и обмотками.)

Новые радисты, прибывавшие в часть, после работы-стажировки часто отзывались для «спецзаданий», включения в группы для заброски в тыл врага. Они переходили в распоряжение разведотдела и обратно на радиоузел, как правило, не возвращались. Каждый из нас ждал своего часа. Но по воле случая меня из радиоузла не отпустили.

Примерно за месяц до нашего прибытия в часть через линию фронта была заброшена группа во главе с офицером разведотдела с очень важным заданием. Но больше месяца группа на связь не выходила, и уже считали, что задание сорвалось (что бывало не очень редко). Каждой группе назначались свои позывные и определенное расписание для первого выхода в эфир, обычно два-три раза в разное время суток. В это время их вызывали и ловили ответный сигнал в течение получаса. Связь с этой важной группой была поручена Будкову, моему начальнику, как лучшему специалисту части. Но однажды он решил отлучиться на какое-то амурное дело, сказав мне: «Поработай, хотя вряд ли он появится».

Во время сеанса я вдруг поймал очень слабый, но явно нужный сигнал, и связь установилась. Зазвонил телефон со станции контрольного слежения (где для контроля только слушали на нескольких приемниках, но передатчиков там не было), спросили, слышу ли я. Я ответил, что связь уже установлена. Я начал принимать радиограмму. Слышимость была очень плохая, приходилось запрашивать повторения, но работа продвигалась. Вдруг открывается дверь и влетает полковник, командир части (это я понял уже потом), и кричит: «Где Будков?» Я в ответ: «Не мешайте работать» и даже мата добавил. Он сел со мной рядом и тихо сидел до конца сеанса. После схватил принятую радиограмму и побежал к шифровальщикам. Потом я понял, что прием прошел успешно. После этого меня оставили радистом в команде Будкова.

Зима 1941–42 гг. была у нас на Южном фронте относительно спокойной. Периодические перестрелки были слышны у наших северных соседей. А мы наблюдали редкое явление – сплошные потоки, прямо река мышей. Говорили, что их гонят немцы. По ночам мыши забирались в любые ямы, даже в передвижные кухонные котлы, и там умирали. Это принесло эпидемию туляремии. Я ее также не избежал, попал в госпиталь. Выписали меня недели через три, и благодаря относительной стабильности фронта я смог вернуться в свою часть. Приступив к работе, увидел в расписании много новых позывных. Очевидно, готовилось наступление. Но главные события развертывались у соседей, на Юго-Западном фронте, где успешное вначале наступление кончилось катастрофой под Харьковом. (Помню, как долго проходила мимо толпа вырвавшихся из окружения.)

Вскоре началось наступление немцев и на нашем фронте, вдоль Дона. В июле 1942 г. положение, видимо, стало совсем плохим, и штабу фронта было приказано перебазироваться за Дон. Наш радиоузел обычно перебазировался в две очереди, чтобы не прерывать связи. Поэтому командир объявил порядок: комиссар с основным «хозяйством» отправляются первыми, а он с половиной радиостанций (в том числе и нашей) остается до передачи связи первой группе.

Время шло, никаких вестей от первой группы не было, а положение становилось все тревожнее. Тогда командир приказал двум станциям остаться, а с остальными отправился на переправу с обещанием взять связь на себя как можно быстрее. Мы продолжали работать и следить, что происходит вокруг. Звуки разрывов хотя и медленно, но приближались. Ника-

ких сигналов от наших групп не было. Было решено опять разделиться: наша станция остается, другая перебазировается, при первой возможности берет связь на себя и дает нам знать. В нашей команде остались Будков, я, моторист, шофер и техник радиомастерской нашего узла. Он не имел прямых обязанностей на станции и мог позволить себе отдельную программу по ознакомлению с ближайшим поселком. Через какое-то время он вернулся за Будковым.

Возвратились они к вечеру, распространяя резкий сивушный запах. Скоро оказалось, что пили они какую-то отраву. Техник вскоре оправился, а Будков не приходил в сознание. Я понял, что остался за старшего (хотя по возрасту был самым младшим). Мы стояли прямо на берегу какой-то реки, притоке Дона. Противоположный берег очень высокий и крутой, наш более пологий и заросший деревьями. От них до воды метров пятьдесят. На этом открытом берегу и развернута наша мачта рядом с машиной. Время шло, никаких сигналов от наших групп. На круче противоположного берега появились два немецких танка. Один раз выстрелили и исчезли. По-видимому, разведка.

Наше расположение на открытом берегу было явно опасно. Решил, что надо поискать более укрытое место. Будкову устроили лежанку под боковой лавкой. Быстро свернулись и поехали. Темнело, нашли место среди большого фруктового сада, развернулись. Работал по расписанию, регулярно проверяя, есть ли сигналы от наших. Пока ничего ни от кого. Вдруг в темноте яркий свет фонаря, и появляется полковник или генерал (судя по барашковой папаше) с двумя автоматчиками. «Кто такие?» Я объяснил. «Никуда не поедешь. У меня связи совсем нет. Будешь работать на меня.» Я объясняю, что в общевойсковую связь войти не могу. «С кем можешь связаться?» – «Только с Москвой.» – «Хорошо, будешь передавать в Москву.» Оставил автоматчиков с приказом не выпускать. Через какое-то время приносят пачку радиограмм. Связался, передаю. Получил ответ, по-видимому, попало к адресату. Поспать пришлось очень мало, рано утром принесли новую пачку, потом еще... Только на следующий день к вечеру поток иссяк. Наконец можно передохнуть. Вышел из машины и увидел, что автоматчик крепко спит. Решение пришло сразу. «Уезжаем!» Быстро свернулись и выехали.

Стали искать переправу через Дон. К рассвету выехали к понтонной переправе. Понтон разбит, восстанавливается саперами. Огромное поле у берега все в шахматном порядке покрыто машинами, лошадиными повозками. Ждут. Наконец понтон восстановлен, машины и повозки выстраиваются в очередь, медленно продвигаются. Но через некоторое время появляются немецкие бомбардировщики. Понтон снова разбит, застрявшие на нем машины сбрасывают в воду, и работа саперов начинается снова. Наши самолеты появляются лишь после отлета немцев. Покружат, посмотрят и улетают, не дожидаясь следующего налета. Уже к концу дня понимаем, что ждать бесполезно. Наш радиотехник предлагает ехать в Ростов. Он сам ростовчанин, говорит, что поможет разобраться.

В Ростове все мосты разбиты, переправы понтонные. Многокилометровая очередь начинается при въезде в город. Команды регулировщиков с флажками пытаются поддерживать порядок. Оценив обстановку, наш радиотехник, стоя на внешней ступеньке рядом с шофером, направляет машину через какие-то пустынные переулки, и скоро мы выкатываемся прямо к переправе. До въезда на понтон всего метров тридцать очень крутого спуска. Перепалка с регулировщиками: «Куда лезете, тормозите!» – «Тормоза не держат!» ... Так или иначе, въезжаем на понтон. Быстро темнеет, надеемся, что налеты будут реже, и мы успеем переправиться. Увидели сброшенные самолетом-разведчиком осветительные факелы, когда уже съезжали с понтона. Уже слышен шум бомбардировщиков. Остановка, выскакиваем из машины, отбегаем метров на 20 и ложимся. Взрывается целый ковер бомб, но у нас все в порядке. Возвращаемся к машине. Не заводится. Вижу, что шофер в стрессе, руки трясутся. Пожилого одессита можно понять. Стараюсь успокоить. Вновь налет, но теперь уже есть опыт. Обошлось, едем дальше. Оказалось, что предстоит еще одна переправа через проток, но она оказалась много проще. Через несколько километров остановились на привал. Силы на исходе, надо немного поспать. Утром ставим антенну, удалось связаться со штабом. Узнали пункт сбора нашего радиозула. (Оказывается, он еще не собрался!)

Сверяюсь с картой. Километров 300 до Сальских степей, а затем на юг, полдороги до Краснодара. Могли бы добраться за сутки-двое, но бензин на исходе, продуктов почти

нет. Выехали на дорогу. По ней почти сплошной поток: машины, конные повозки, пешие толпы в форме и без, гонят скот. Стараемся продвигаться быстрее. Когда попадаются какие-то строения, сворачиваем к ним. Передохнуть и осмотреться. Часто дома добротны, но почти везде пусто. Всюду много спелых абрикосов, на земле, на крышах. Встречались птицефабрики, молочные заводы с бидонами молока. И никого вокруг. На счастье повстречалась и заброшенная автобаза, где запаслись горючим. Конечно, абрикосы с молоком не лучшее сочетание, но ничего другого не было. Зато на нашего Будкова молоко хорошо действовало, он быстро выправлялся. Когда мы прибыли на место сбора, он выглядел уже настоящим начальником.

Сбор оказался далеко не полным. Хотя некоторые группы еще подъезжали, но уже знали о больших потерях при переправе... Прибыл шофер хозяйственной части, выкатил большой молочный бидон и объявил, что подфартило найти спирт-завод. «Приходите с посудой, буду разливать». Выстроилась очередь с котелками. Процедура была очень колоритной. Шофер, высокий крепкий мужик, черпал большой кружкой из бидона, выливал в очередной котелок, а остаток выпивал сам. Когда очередь уже кончалась, он заявил: «Баста, я уже пьян».

Я считал, что уклоняться не по-мужски, и также встал в очередь. Спирт был неразведенный, и как его следует пить, я и понятия не имел, так как до этого даже водки никогда не пробовал. Я отошел в сторонку, чтобы никто не видел, и выпил довольно много. Не буду описывать, что было дальше, но мутило меня сильно. Ненадолго пришел в себя, услышав выстрелы. Это приехал наш комиссар, кричал: «Рядом немецкий десант, а вы пьянку устроили. Срочно отъезжаем!» – и прострелил бидон со спиртом. Все стали быстро собираться, но я уже отключился... Видно, до настоящего мужика я еще не дорос.

Время еще будет, до победы оставалось почти три года.

Конец лета и осень 1942 г. были очень трудными. Немцы форсировали Дон и наступали на Армавир, Краснодар, Керченский пролив. Наш фронт, теперь уже Северо-Кавказский, постоянно отступал. Наш радиозузел был постоянно на колесах. Каждые 1–2 дня мы меняли дислокацию. Понимали, что на фронте тяжело, но, судя по плотному расписанию у радистов, наш разведотдел работал неплохо. Понятно: при отступлении не надо было сбрасывать разведгруппы с самолетов, что всегда сложно и опасно. Их просто оставляли при отходе.

Скоро мы почувствовали, что немцы прорвались и к Северному Кавказу. Наш узел разделили, и одну часть было решено направить в распоряжение Северной группы войск Закавказского фронта. По-видимому, требовалась быстрая передислокация, без развертывания в пути, а для связи со «своими» разведгруппами было решено временно оставить одну радиостанцию. Оставили нашу станцию, и меня, единственного радиста, назначили начальником. Немцы продвигались так быстро, что к тому времени, когда я передал связь радиозулу, расположившемуся в районе Моздока, дорога туда была уже перерезана – немцы вышли к Кавказскому хребту. Мне было приказано добираться в обход хребта с юга. Предстояла дорога через Туапсе, Сухуми, Тбилиси и дальше по военно-грузинской дороге на Нальчик. Я получил все необходимые бумаги, талоны на продовольствие и бензин, указание прибыть в штаб Закавказского фронта в Тбилиси, где меня снабдят всем на оставшуюся дорогу. Казалось, все прекрасно и можно считать, что получили нежданный отпуск. Но все оказалось не так просто.

Совсем недавно вышло известное постановление «Ни шагу назад». Его зачитывали нам на общем построении части. Впечатление было шоковое. Заградотряды... штрафбаты... вплоть до расстрела на месте...

Вот заградотряд и оказался первой преградой на нашем пути. Сначала, даже не разбираясь в наших бумагах, нас загнали на стоянку за колючей проволокой, где уже накопилось много всего. Часовые говорили: «Придет командир – пусть разбирается». Первый командир повертел наши бумаги и сказал, что он решить не может, надо ждать старшего. Следующий сказал, что нас он может отпустить, но машина останется у них. Шли часы за часами. Когда появился старший офицер, я стал говорить, что они срывают важное задание и будут за это отвечать. Потребовал, чтобы они связались со штабом фронта в Тбилиси. Наконец появился офицер с полномочиями на наше освобождение. И даже приказал снабдить нас продовольственным пайком (целый день мы голодали, а время было уже позднее).

Дальнейшая дорога Туапсе – Сочи – Сухуми – Тбилиси в памяти не сохранилась, видимо, прошла без приключений. Штаб Закавказского фронта в Тбилиси оказался в самом центре на необычно чистой улице. И наша припаркованная потертая машина резко контрастировала с роскошным зданием штаба.

Военно-грузинская дорога была главным путем снабжения Северной группы войск. Машины, повозки шли почти сплошным потоком. Немецкая авиация была мало активна, поэтому добрались мы без осложнений. Нашу часть мы нашли в районе Орджоникидзе. Было много новых лиц. Узнал, что в Коджори (окрестности Тбилиси) еще до войны был такой же, как в Одессе, разведывательный радиоузел Генштаба. Часть его и вошла в нашу общую теперь команду.

Наступление немцев на Кавказе еще продолжалось, хотя его активность спадала, они перебрасывали свои части к Сталинграду. Так что отступление наше кончилось. Далеко мы откатились за 1942 год. Но, видимо, и отступая, наша часть, радиоузел с разведотделом, внесли свой вклад. В конце года даже пришли награды. Мне вручили медаль «За боевые заслуги».

Дальше будем двигаться только вперед. Но это уже другая история.

После Сталинградской перегруппировки фронтов нас передали в Отдельную Приморскую армию и после освобождения Краснодара, в феврале 1943 г., мы разместились в его окрестностях. Думали ненадолго, после Сталинграда ждали быстрого продвижения. А простояли больше года. Бои на побережье были тяжелыми, с неудачными десантами. Напряженную обстановку мы чувствовали и по работе наших разведгрупп. В расписании их появлялось много, но не все выходили в эфир, да и работали они недолго... Крым и Севастополь освободили только в мае 1944 г., когда другие фронты уже переходили нашу границу.

В Крыму нас разместили в Евпатории. Город был почти пуст с минными полями вдоль берега, которыми занимались саперы. Ждали переброски на другие фронты, но задачу нам поставили необычную. Убрать урожай, оставшийся после выселения крымских татар. (У нас в части был крымский татарин, все звали его Тохтамыш, командир моторизованной роты, водил ее часто рейдами по немецким тылам, человек легендарной храбрости. И его семью тоже выселили, даже вмешательство командующего армией не помогло.) Пока солдаты в районе Джанкоя убирали урожай, с офицерами проводили занятия. (Я, хотя и старшина, но на офицерской должности, тоже присутствовал.) Обучали румынскому языку, знакомили с историей страны. Понимали, что готовится десант в Румынию. Но пока урожай убирали, Румыния капитулировала. Наше будущее снова стало неясным.

Всю нашу часть, разведотдел вместе с радиостанциями, погрузили на платформы и отправили в резерв главного командования в Москву. На сортировочной станции Павелецкой дороги простояли мы недели две, пока не получили назначение: часть целиком (разведотдел и радиоузел) передается Польской Народной Армии. Состав разгрузился около Люблина, и началась совсем другая история.

Сегодня, зная подоплеку сталинской политики с целью будущей «коммунизации» Польши, можно понять и наше новое назначение. Вливание нашей части позволяло превратить «Дивизию Костюшко» в «Польскую Народную Армию». Никаких изменений в работе нашего радиоузла заметно не было. Только в разведотделе можно было иногда встретить офицера в польской форме. Новое в нашей работе возникало из-за быстрого продвижения фронта. Надо было оперативно следовать за ним, быть ближе к заброшенным разведгруппам. Вся часть так оперативно двигаться не могла. Задача возлагалась на передвижные радиостанции.

Так случилось, что наиболее «подвижной» оказалась моя станция. Мы почти все время были в разъездах, отработалась и определенная тактика. Цели нам указывали самые общие, только направление и район. С одной стороны, желательно было держаться ближе к линии фронта, но подальше от скопления войск, с воздушными налетами и помехами от армейской связи. Контактировать с армейскими штабами приходилось для заправки бензином и продовольствием. А в остальном мы были в своего рода автономном плавании. Скоро научились выбирать оптимальные места для развертывания. Открытое место опасно: рация – хорошая цель при авианалетах. Очень хороши дома – антенну можно развернуть без мачты, да и аппаратуру перенести внутрь и работать с удобствами.

На немецкой территории случались и курьезные случаи. Так, остановились мы на одиноко стоящем хуторе, довольно богатом. Дом, напротив большой сарай. В одной половине довер-

ху сено, в другой – две лошади. В доме три женщины разного поколения, просто дрожат от страха. Стараюсь успокоить (с немецким у меня тогда не было проблем, за что благодарен своей школьной учительнице). Просим комнату, где переночевать. На ночь выставляю часового снаружи. На рассвете вдруг выстрел. Выскакиваю и вижу уже далеко уходящего верхового. Оказалось, что хозяин хутора дезертировал из отступающей армии и прятался в сарае. Наш часовой услышал какой-то шум, пошел в сарай и спугнул хозяина, который оказался хорошим наездником.

Много пришлось проехать и увидеть. Но в памяти остались только несколько ярких пятен.

...Полностью превращенная в пыль Маршалковска, главная улица Варшавы...

...Зееловские высоты после нашего мощнейшего артобстрела: красная пустыня, как-то сохранившаяся поваленная кирпичная колонна, и на ней сидят две женщины во всем черном, утирающие слезы...

...Франкфурт-на-Одере, новая польско-германская граница, дорога к пограничному шлагбауму. Мы работаем в высоком доме с окнами на эту дорогу. Виден поток женщин, стариков, детей. Везут тележки с домашними вещами, несут мешки, сумки. Это немцы, выселяемые из своих мест, отходящих Польше. И видно, как почти все у них отбирает толпа мародеров, стоящая вдоль дороги...

...Берлин, дней пять после штурма. Пыль и развалины. В Рейхстаге забираюсь на стену и пишу: «Развалинами Берлина удовлетворен. Беляев, Москва». Эту надпись скопировали на суперобложке давно вышедшей книги «Штурм Берлина». Стараюсь понять себя тогдашнего. Но сегодня я стыжусь этой надписи.